

— Взрывные талисманы, стиль клана Абэ, — негромко пояснил зашедший со спины Сукуна. — Всё заволокло дымом. Похоже, просто сбивают прицел. Их главная цель — увести отсюда обычных людей, а не бросить мне вызов...

«Глупцы. Действуют топорно — наверняка неопытные юнцы, оказавшиеся поблизости и примчавшиеся сломя голову сразу после тревоги. Будь они поумнее, вывели бы толпу тихо и без лишнего шума. В конце концов, для расширения территории зрение не нужно».

Стоило ему лишь пожелать, и всё вокруг в мгновение ока превратилось бы в кровавое месиво. Вопрос стоял лишь в одном: на сколько именно частей раскромсать этих ничтожеств.

Сукуна лениво вскинул руки, намереваясь забавы ради развернуть территорию, но его взгляд зацепился за спину преградившего ему путь Харе, и пальцы замерли.

«Постойте-ка. Мелкий только что закрыл меня собой? Невероятное зрелище. Исключительное. Если я прихлопну их прямо сейчас, такого больше не увижу. Да и пыл его угаснет. Может... прикинуться беззащитным? Хм... а как вообще ведут себя слабаки?»

Сукуна задумчиво потер подбородок. Харе, заметив, что тот умолк на полуслове, с недоумением обернулся. Увидев нахмуренное лицо Короля проклятий, юноша истолковал это по-своему:

— С ними трудно совладать?

О клане Абэ у Харе остались смутные воспоминания по архивным записям. Он помнил, что крупнейший поход против Сукуны возглавлял карательный отряд «Сэйсацу» — альянс двух отрядов Северной ветви клана Фудзивара, кланов Абэ и Сугавара. По слухам, к ним примкнул даже Ангел, способный сводить на нет любые проклятые техники. Но даже без техник, в одном лишь ближнем бою, Сукуна оставался абсолютным чудовищем. Раз уж он так глубоко задумался, не скрывается ли здесь неизвестная угроза?

Сукуна, ломавший голову над тем, как изобразить неомощность, мгновенно ухватился за представившийся шанс. Кивнув с самым постным видом, он закинул тяжелую руку на тонкую талию юноши, навалился на него всем своим внушительным телом и бесстрастно произнес:

— Угу. Терпеть их не могу. Вечно сбиваются в стаи и обижают меня, бедного.

— Чего?!

Харе показалось, что он услышал самую нелепую шутку в своей жизни.

— Они? Обижают? Тебя?!

— Ты вообще думаешь, что несешь?

— Уверен, что это не ты занимаешься односторонним насилием?

— Для людей этой эпохи главное бедствие — это ты сам!

От возмущения и крайнего изумления юноша выпалил всё на одном дыхании. Он попытался повести плечами, чтобы сбросить устроившуюся на них чужую голову, но Сукуна за его спиной стоял непоколебимо, точно каменная стена. Лопатки Харе уткнулись в твердую, литую грудь проклятия, от которой его едва ли не отпружило назад.

И это ничтожество смеет жаловаться, что его кто-то обижает?

Сукуна и сам запоздало сообразил, что сморозил несусветную глупость. Оставив бесплодные попытки прикинуться жертвой, он выпрямился, скрестил руки на груди и зловеще ухмыльнулся, мгновенно преобразившись:

— Что ж, тогда я просто перережу их всех до единого.

И по интонации было кристально ясно: он не шутит.

У Харе от этой простоты опустились руки.

«У него настроение меняется каждую секунду, что ли? Ненормальный».

Меньше всего Харе хотелось, чтобы за ними повсюду тянулся шлейф из трупов. Он торопливо перехватил руку проклятия, удерживая его на месте:

— Возвращаемся. Всё равно мы уже закончили мыться.

Развернувшись, Харе решительно шагнул в сторону выхода, явно не собираясь задерживаться здесь ни секундой дольше. Однако стоило ему сделать шаг, как нога наступила на укатившийся ранее юдзу. Равновесие мгновенно было потеряно, и юноша полетел навзничь.

Но упасть на холодный пол ему не дали — крепкие руки поймали его на лету.

«Будь ты проклят, чертов цитрус! Моя ненависть к тебе не знает границ!»

— Ого, — протянул Сукуна, с довольным видом разглядывая свою добычу сверху вниз. — Это ты так ластишься ко мне?

Сгорая от стыда, Харе лишь крепко сжал зубы. Но не успел он даже попытаться высвободиться, как земля ушла из-под ног.

Проклятие привычным движением подхватило его на руки. Хриплый, завораживающий голос прозвучал над самым ухом с издевательской усмешкой:

— Или у тебя после недавнего ножки подкашиваются? Нечестно выходит, малявка. Наступили-то на меня...

— Кха! — закашлялся Харе, поспешно перебивая его: — Уходим! Быстро! Быстро! Быстро!

От смущения и подступившей паники он даже заикался. Стоило Сукуне упомянуть произошедшее, как в памяти Харе против воли всплыли недавние тактильные ощущения: нечто горячее, твердое и упругое под его ступней. Кожа мгновенно вспыхнула, а мысли смешались в сплошной сумбур.

Оставалось лишь радоваться, что поблизости никого не было — все столпились на нижних этажах. Услышь их случайный прохожий, слухов было бы не избежать, и тогда лицо потеряли бы оба.

Юноша и не подозревал, что к оконной раме плотно прилегала подслушивающая бумажная кукла. Выведенные на ней киноварью знаки едва ли не дымились от напряжения. Сукуна сквозь клубы пара бросил мимолетный взгляд в ту сторону. Бумажный гомункул ощутимо вздрогнул и со всех ног бросился наутек, скатываясь по лестнице вниз.

Из-за неудобного положения Харе ничего не заметил. Он лишь нетерпеливо вцепился в воротник кимоно Сукуны, потянув на себя, чтобы поторопить проклятие. Снизойдя до его просьбы, Король проклятий перестал издеваться, но довольная ухмылка так и не сошла с его лица, когда он легко понес юношу прочь.

Тем временем на первом этаже люди, задыхаясь в дыму и пытаясь выбраться наружу, наконец услышали от сопровождавшего их оммёдзи известие о том, что Великое бедствие покинуло здание. Лишь тогда у беглецов окончательно подкосились ноги, и они обессиленно повалились на землю, со слезами на глазах радуясь спасению.

Прибывшие на место молодые ученики клана Абэ тоже перевели дух:

— Подумать только, он ушел просто так... Какая удача. Но... погоди, почему у тебя лицо такое красное?

Спрошенный юноша судорожно сжимал в руках ту самую бумажную куклу, колеблясь, стоит ли делиться услышанным. Он со страхом покосился на крышу купальни и, убедившись, что проклятие убралось восвояси, не выдержал. Жажда сплетен пересилила страх, и он зашептал:

— Слушайте, я тут подслушал их разговор...

— Ну же, выкладывай! — тут же облепили его товарищи.

— Тот монстр с горы Кумакума и наш владыка из Хэйан-кё... они... в общем, у них вот такие отношения, — молодой оммёдзи соединил пальцы одной руки в кольцо, а указательным пальцем другой сделал недвусмысленный жест, заливаясь пунцовой краской.

Окружающие вытаращили глаза:

— Что?!

Рассказчик закивал, развивая мысль:

— Мало того! Этот тиран хотел вырезать нас всех до единого, но беловолосый юноша его остановил.

— Получается... — подал голос один из учеников, ухвативший суть под весьма странным углом, — Рёмэн Сукуна — подкаблучник?!

Все замолчали.

И это всё, что его заинтересовало?

Харе прибыл в эти края совсем недавно, но нелепые слухи о нем уже со скоростью лесного пожара расплозились по округе. И пока они с Сукуной добирались обратно до поместья в Хэйан-кё, к ним успело прибавиться еще несколько, один безумнее другого.

Во дворе резиденции Урауме неторопливо поливал цветы.

Заметив возвращение господина, слуга замер. Сукуна на руках перенес юношу в покои, бережно уложил на футон и заботливо укрыл одеялом. Все эти движения были настолько плавными, бережными и естественными — даже слишком противоестественными для безжалостного Короля проклятий, — что у бедного Урауме кожа покрылась пупырышками от подступившего ужаса.

Стоило Харе коснуться мягкой постели, как его тело отозвалось ноющей ломотой. Усталость навалилась свинцовой тяжестью. Юноша повернулся на бок, зарылся лицом в теплое одеяло, свернулся клубком и мгновенно провалился в сон. Вытесненные весом его тела

бабочкоподобные проклятые духи вспорхнули и опустились ему на макушку и на подушку по соседству.

В комнате разлился едва уловимый сладковатый аромат лесных ягод — тот самый вкус, который Харе ощутил, когда недавно прокусил руку Сукуны. Окутанный этим дурманящим запахом, сонный юноша невольно причмокнул губами.

Звук получился совсем тихим и нежным, похожим на то, как урчит во сне поймавший добычу котенок. Сидевший за письменным столом Сукуна обернулся.

«Проголодался?»

«И впрямь, когда я его встретил, он всю уплетал сладости... Голодать вредно».

Сукуна потянулся к лежащей на подставке кисти и принялся быстро набрасывать на бумаге рецепт, всплывший в его памяти. Пусть Урауме приготовит это к пробуждению мальчишки.

В комнате воцарилась глубокая тишина, нарушаемая лишь шорохом бумаги. А тем временем в гостиной, расположенной чуть дальше по коридору, расположились двое незваных гостей.

Один из них, молодой мужчина в самурайском платье с завязанным на макушке высоким хвостом, вальяжно развалился на циновках. Рядом с ним чинно сидела дама в белом шелковом кимоно с изысканным жаккордовым узором.

— Крошка Урауме, а где твой грозный господин? — с ухмылкой поинтересовался мечник, пытаясь заглянуть за плечо слуги в глубь коридора.

Урауме поморщился от такого панибратства и одарил наглеца ледяным взглядом:

— Если мне не изменяет память, Сукуна-сама вас не приглашал.

Ладно бы явился один Кэндзяку, но присутствие госпожи Тэнгэн выбивало из колеи.

Заметив замешательство на лице слуги, холодная красавица Тэнгэн снисходительно улыбнулась и со вздохом указала на своего спутника:

— Этот несносный тип силой притащил меня сюда, уверяя, что нас ждет величайшее зрелище.

— Ха-ха! Разве известие о том, что Сукуна привел в дом человека, само по себе не сенсация? — весело отозвался Кэндзяку и многозначительно добавил: — К тому же ты сама увязалась за мной, едва прослышав о происшествии в купальнях.

Тэнгэн лишь пожала плечами, признавая его правоту.

Урауме, который безвылазно сидел в поместье и не успел нахвататься уличных басен, растеряно захлопал глазами:

— Какое еще происшествие в купальнях?

Прежде чем Кэндзяку успел ответить, раздвижная дверь в конце коридора мягко скользнула в сторону. Из покоев вышел Сукуна в наброшенном на плечи хаори. В руке он держал листок бумаги. Появление гостей не вызвало у него удивления — он лишь протянул записку слуге:

— Урауме, приготовь это. Точно по инструкции.

— Что там такое? — Кэндзяку и Тэнгэн мгновенно вытянули шеи, бесцеремонно отпихнув Урауме плечами.

Слуга, так и не успевший толком разглядеть написанное, лишь недовольно надулся.

— Пять яиц, сто граммов пшеничной муки, молоко, сахар... — вслух читал Кэндзяку, качая головой. — Что за странное варево? Выглядит чересчур мудрено. Решил помучить своего верного повара?

— Ничего сложного, я справлюсь! — обиженно буркнул Урауме, поспешно пряча записку в широкий рукав.

Тэнгэн, заметившая неправдоподобное количество сахара в рецепте, мысленно усмехнулась. Подобная приторность совершенно не вязалась с кулинарными предпочтениями Короля проклятий.

— Выходит, слухи не врут, — задумчиво протянула она.

Строчки были выведены твердой рукой Сукуны. Если уж грозный владыка снизошел до подобных мелочей, таинственный гость определенно заслуживал внимания. Ей нетерпелось взглянуть на того, кто сумел приручить это чудовище.

Кэндзяку, разделявший ее любопытство, спрятал ладони в рукава и с лукавой улыбкой перешел прямо к делу:

— Ну же, Сукуна, где твой таинственный пленник? Мы проделали весь этот путь исключительно ради него.

— Зачем он вам сдался? — нахмурился Сукуна. В глубине его естества шевельнулось глухое собственническое раздражение. Будто кто-то пытался посягнуть на сокровище, которое следовало надежно спрятать от чужих глаз.

Кэндзяку с притворным укором покачал головой:

— Вся округа судачит, что ты обзавелся супругой. Как твои верные соратники, мы просто обязаны засвидетельствовать почтение хозяйке дома.

— Что?! Супругой?! — Урауме едва не выронил припрятанный рецепт, а его рот округлился от изумления.

Тот юноша... жена Сукуны-сама?!

Слуга уставился на господина, ожидая, что тот в ярости размажет шутников по стенам за подобную дерзость. Однако, к его величайшему потрясению, на лице Сукуны не отразилось ни тени гнева. Напротив, Король проклятий, казалось, остался весьма доволен услышанным и тихо, удовлетворенно рассмеялся.

Урауме мгновенно сник.

«Неужели правда?... О боги, Сукуна-сама даже словом со мной не обмолвился!»

Пока потрясенный до глубины души слуга пытался переварить новость, незванные гости уже бесшумно подошли к дверям покоев владыки, сгорая от нетерпения.

Сукуна не сумел сдержать самодовольной ухмылки, хотя для вида нахмурился и раздраженно предупредил:

— Только одним глазком. И не вздумайте его разбудить.

Он мягко отодвинул перегородку. Из полумрака комнаты навстречу им выпорхнуло несколько призрачных лазурных бабочек. Внутри все оставалось прежним, разве что светящихся крылатых созданий заметно прибавилось.

Свернувшийся под одеялом юноша казался совсем крошечным. Покрывало буквально утопало в мириадах неоновых бабочек, которые мерно взмахивали крыльями, отчего вся постель мерцала мягким синеватым светом, точно россыпь драгоценных камней.

Стоявшие у порога Кэндзяку и Тэнгэн мгновенно узнали этих созданий. Переглянувшись в крайнем изумлении, они уставились на хозяина дома:

— Сколько проклятых бабочек... Сукуна, что ты с ним сотворил? Разве они не рождаются из чужой печали? Ты его принудил к чему-то?

— Что за вздор? — Сукуна приблизился к футону и небрежным взмахом руки разогнал светящийся рой. — Когда я уходил, их было гораздо меньше.

Потревоженные бабочки взмыли в воздух, приоткрыв лицо спящего. Кэндзяку, Тэнгэн и подошедший следом Урауме синхронно вытянули шеи, разглядывая гостя.

— Прелестный мальчик... — Тэнгэн прищурилась, внимательно всматриваясь в черты Харе, а затем бросила на Сукуну тревожный взгляд: — Но тебе не кажется, что с ним что-то не так?

Сукуна и сам заметил неладное. Щеки Харе пылали неестественным румянцем, а лоб прорезала глубокая болезненная складка.

Присев на край постели, проклятие приложило ладонь к его лбу. Кожа юноши оказалась обжигающе горячей. Сукуна растерянно моргнул всеми четырьмя глазами, прежде чем до него наконец дошло:

— У него жар.

На его лице отразилось искреннее, глубокое непонимание.

Все присутствующие, за исключением Урауме, синхронно закатили глаза от столь вопиющего невежества.

— Люди вообще-то склонны болеть, гений, — съязвил Кэндзяку.

Сукуна промолчал. Вообще-то, Харе сложно было назвать обычным человеком в полной мере...

— Ох-хо-хо... — сокрушенно покачала головой Тэнгэн.

— Какая жалость, — поддакнул Кэндзяку.

Оба уставились на него с таким немым укором, что Сукуна, чье внимание без остатка поглотила болезнь юноши, не выдержал. Он зыркнул на гостей своими верхними глазами:

— Выкладывайте, что у вас на уме, и проваливайте!

— Да так, ничего, — протянула Тэнгэн. — Просто те дикие слухи из города теперь обретают смысл. Сукуна, скажи честно: ты ведь сотворил с бедняжкой что-то такое, чего хрупкое

человеческое тело попросту не в состоянии выдержать?

Кэндзяку сочувственно закивал:

— Какая поразительная грубость. Мальчик слег сразу же, как ты приволок его из купальни. Очевидно, что виноваты твои варварские замашки. Переступил все границы приличия, негодяй...

— Не смейте клеветать на Сукуну-сама! — яростно вскинулся готовый к бою Урауме.

Сукуна убрал руку, и лазурные бабочки вновь плотным ковром опустились на подушку вокруг лица Харе. То, что они так резко расплодились, вряд ли объяснялось обычным жаром. Здесь крылось нечто иное.

Размышляя над истинной причиной недомогания Харе, проклятие небрежно бросило гостям:

— Мы там пробыли-то всего ничего. За такое время я бы даже начать не успел.

Повисла короткая пауза.

Кэндзяку и Тэнгэн переглянулись, и на их лицах расплылись понимающие, приторно-сладкие ухмылки.

— О-о-о... — протянул Кэндзяку.

— Как интересно, — со значением хмыкнула Тэнгэн.

Урауме лишь растерянно захлопал ресницами:

— Что? О чем это вы?

<http://bllate.org/book/19043/2005250>